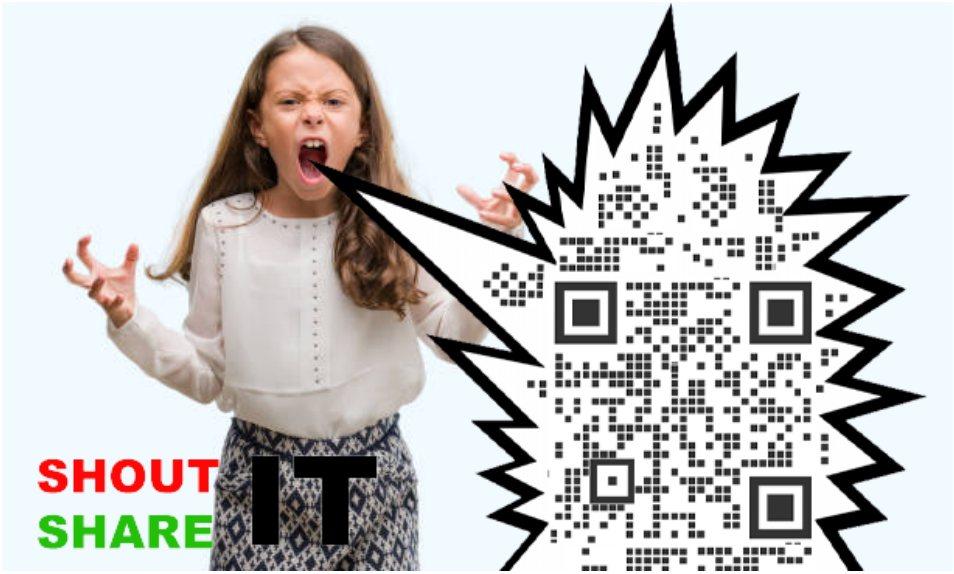
Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский (Малюта

Владимир Левченко


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Всем нам хорошо известны имена исторических деятелей, сделавших заметный вклад в мировую историю. Мы часто наблюдаем за их жизнью и деятельностью, знаем подробную биографию не только самих лидеров, но и членов их семей. К сожалению, многие люди, в действительности создающие историю, остаются в силу ряда обстоятельств в тени и не получают столь значительной популярности. Пришло время восстановить справедливость.

Данная статья входит в цикл статей, рассказывающих о помощниках известных деятелей науки, политики, бизнеса. Автор подробно раскрывает всю значимость каждой исторической личности, дает представление о ее вкладе в деятельность мировых лидеров. Также читатели узнают о малоизвестных трудах и теориях, о личных достижениях каждого персонажа, что позволит создать целостный образ человека, сыгравшего немалую роль в мировой истории.

- Владимир Иванович Левченко
  -
  - Биография
    -

Владимир Иванович Левченко Григорий Лукьянович Скуратов – Бельский (Малюта Скуратов). Помощник Ивана Грозного (IV)

Его имя стало **символом средневековой жестокости.** Этот человек выступает на равных с самыми знаменитыми злодеями – графом Дракулой и Ричардом III. Все помнят строки Михаила Булгакова: «Ни Гай Кесарь Калигула, ни Мессалина уже не заинтересовали Маргариту, как не заинтересовал ни один из королей, герцогов, тюремщиков и шулеров, доносчиков, изменников, безумцев, сыщиков, растлителей. Все их лица слепились в одну громадную лепешку, и только одно сидело мучительно в памяти лицо, окаймленное действительно рыжей бородой, лицо Малюты Скуратова...»

Шеф «тайной полиции» Ивана Грозного – **один из самых зловещих персонажей** русской истории. Как только не называли этого человека! Царским палачом, «верным псом государевым», политическим авантюристом, «мужем каменносердечным».

Все это, безусловно, так. Но оказывается, мы очень мало о нем знаем! Неизвестно, когда родился Малюта и где. Неизвестно, как выглядел знаменитый опричник: откуда, например, пошло, что Скуратов был рыжим? Неизвестно, где он похоронен.

Всему этому есть объяснение. В 1568 году по приказу Ивана Грозного в России оборвалось официальное летописание. Все архивы, содержащие подробности опричных «подвигов», были уничтожены – опять-таки по приказу царя. Не осталось никаких документов, кроме воспоминаний нескольких иностранцев, бывших очевидцами кровавого террора. Только через шестьдесят лет – в 1630 году – Филарет Романов составил «Новый летописец», но тогда правда об опричнине уже никого не интересовала. Попробуем для начала разобраться с родословной нашего героя.

В Средние века у русского человека, как правило, было два имени – крестное и мирское. Прозвище Малюта означало «маленький», «низкорослый», а Скуратом звали то ли его отца, то ли деда – видимо, у мужчин в этом роду была плохая кожа («скурат» – вытертая замша).

Настоящее имя Малюты было Григорий Бельский. Дореволюционная энциклопедия дает такую справку: «Скуратовы – дворянский род, происходящий, по сказаниям древних

родословцев, от польского шляхтича Станислава Бельского, выехавшего к великому князю Василию Дмитриевичу». (Впрочем, иногда встречаешь утверждения, что Малюта происходил из крещеных татар и даже из караимов).

По мнению некоторых историков, Григорий Бельский был мелкопоместным дворянином, служившим в крепости Белой под Смоленском. Другие исследователи утверждают, что Скуратовы происходят из Переславля-Залесского. «История Звенигородского края» выдвигает третью версию: «Особо следует выделить род вотчинников Бельских, из которых вышел печально знаменитый опричник Малюта Скуратов. Первым известным лицом этой фамилии был Афанасий Остафьев сын Бельского, упоминающийся как послух духовной грамоты 1473 года звенигородского землевладельца Степана Лазарева. Его сын Лукьян Афанасьевич, по прозвищу Скурат, в начале XVI века владел небольшой деревенькой в волости Тростна и имел трех сыновей: Григория, Якова и Нежданa...»

В то же время знаменитый историк В.О.Ключевский почему-то называл Скуратова Григорием Яковлевичем и считал, что тот происходит из знатного рода московских бояр Плещеевых... Однако в число «тысячи лучших слуг», отобранных в 1550 году для несения службы при дворе Ивана IV, Малюта и его братья не попали.

Как и когда оказался Скуратов в Москве, неизвестно. Его имя впервые упоминается в документах в 1567 году – Григорий Бельский участвует в походе на Ливонию, но занимает самую низшую должность «головы» (сотника) в одном из полков.

Карьере Малюты поспособствовала **опричнина – самое удивительное «изобретение»** Ивана IV.

Московский митрополит Филипп Колычев так отзывался об опричниках: *«Полк сатанинский, собранный на погубу христианскую».* Князь Андрей Курбский в одном из писем Грозному писал: *«...собрал себе со всея Русские земли человеков скверных и всякими злостьми исполненных».* Иоганн Таубе и Элерт Крузе (лифляндские дворяне, служившие в Посольском приказе) рассказывают: царь выбрал *«пятьсот молодых людей, большей частью очень низкого происхождения, смелых, дерзких, бесчестных и бездушных парней. Этот орден предназначался для совершения особенных злодеяний».*

Вопреки распространенному мнению, **Скуратов не стоял у истоков опричнины.**

В своих посланиях Курбский упрекал царя за приближение *«прегнуснодейных и богомерзких Бельских со товарищи, опришницов кровоядных»,* но эти слова относились не к нашему герою, а к его

племяннику – Богдану Бельскому, который после смерти дяди возглавил сыскное ведомство, став фаворитом Грозного. Согласно Пискаревскому летописцу, опричнина была создана по совету «злых бояр» Алексея Басманова и Василия Юрьева. Именно им, да еще князю Афанасию Вяземскому поручил Иван IV *«перебор людишек»*– изучение родословных и дружеских связей будущих членов охранного корпуса. К сожалению, мы не знаем, какими критериями отбора пользовались Басманов со товарищи, но отсев был огромный: из 12 тысяч кандидатов в опричнину попало всего лишь 570 человек, то есть менее пяти процентов.

Малюта конкурс прошел и в Александровскую слободу попал, однако занял в «черном братстве» **самый низший пост** – был параклисиархом, то есть пономарем (видимо, поэтому исторические романисты и решили, что он обладал музыкальным слухом и хорошим голосом). Возвышение Бельского началось позже, когда, как писал Грозный опричнику Василию Грязному, *«наши князи и бояре нам учали изменять и мы вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды».*

В чем же заключалась эта служба? Опричники обеспечивали **личную охрану царя.** Они же выполняли функции **политической полиции** – вели следствие и карали «изменников», причем проявляя поистине изобретательную жестокость: четвертовали, колесовали, сажали на кол, поджаривали на огромных сковородах, зашивали в медвежью шкуру (это называлось «обшить медведно») и травили собаками. Одетые в униформу – черные рясы, наподобие монашеских, на черных лошадях, опричники привязывали к своим седлам собачью голову и метлу – как символ своего стремления вымести с Руси измену.

В знаменитом «Синодике опальных» – списке казненных, составленном в конце правления Грозного, – можно прочесть, что «в поместье опального боярина Ивана Челяднина-Федорова Губине Углу Малюта Скуратов отделал тридцать и девять человек». По версии властей, глава Боярской думы конюший Челяднин готовился произвести переворот с помощью своих многочисленных слуг.

Принимал Скуратов участие и в других «неистовствах» Грозного: например, совершал налеты на дворы опальных вельмож, отбирая у них жен и дочерей «на блуд» царю и его приближенным. Усердие Малюты царь оценил. В 1569 году он поручает Скуратову арестовать своего двоюродного брата князя Владимира Андреевича Старицкого.

Видимо, именно в это время Григорий Бельский и **возглавил опричное сыскное ведомство**. Именно Скуратов **заложил**

основы политического сыска в России.

Мы не знаем точно, как именно была организована первая секретная служба на Руси, но ***ведомство Малюты послужило образцом для всех последующих российских спецслужб,*** начиная с «Приказа тайных дел» Алексея Михайловича и кончая КГБ. А поэтому можно предположить, что при Скуратове сыскное ведомство не подчинялось ни Боярской думе, ни опричному правительству, – фактическим **руководителем Пыточного двора являлся сам царь** – точно так же, как «Приказ тайных дел» лично возглавлял *«тишайший»* Алексей Михайлович.

В обязанности Малюты входила **организация тотальной слежки** за политически неблагонадежными и выслушивание «изветчиков» (именно в это время **доносительство** на Руси **расцвело пышным цветом**). **Главным орудием** опричных следователей **была пытка.**

Сейчас невозможно точно установить, какие заговоры против Грозного существовали в действительности, какие возникли в воспаленном воображении монарха, а какие были инспирированы Скуратовым. Это в полной мере относится и к «делу об измене Владимира Старицкого». Кузен царя был реальным претендентом на престол, «знаменем» для недовольных вельмож. Однако доказательств вины последнего удельного князя у властей не было. Все изменилось, когда следствие возглавил Малюта Скуратов. Главным свидетелем обвинения стал царский повар по прозвищу Молява, который признался, что Владимир Андреевич поручил ему отравить Ивана IV (при поваре «найден» был порошок, объявленный ядом, и крупная сумма денег – 50 рублей, якобы переданная ему Старицким; сам Молява не дожил до конца процесса). 9 октября 1569 года Малюта «зачитал вины» Старицкому: *«Царь считает его не братом, но врагом, ибо может доказать, что он покушался не только на его жизнь, но и на правление»,* а затем предложил тому выпить отравленного вина.

Казни следовали одна за другой. **Работы для Малюты хватало.** Иногда он даже брал ее «на дом». В прошлом веке в Москве, рядом с церковью Николы на Берсеневке, на месте, где находились палаты Скуратова, была обнаружена страшная находка – сотни черепов под старыми церковными плитами XVII века…

В конце 1569 года Малюта получил секретную информацию от помещика Петра Волынского о том, что новгородский архиепископ Пимен и бояре желают *«Новгород и Псков отдати литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси злым умышленьем извести».* Историки считают, что Волынский **подделал несколько сотен** (!) подписей под

грамотой тайного сговора с королем Сигизмундом II Августом.

В ответ была организована карательная экспедиция. 2 января 1570 года опричная армия окружила Новгород. Малюта Скуратов вел дознание с неслыханной жестокостью. Подозреваемых жгли *«некоею составною мукой огненною», «подвешивали за руки и поджигали у них на челе пламя».* Осужденных вместе с женами и детьми волокли к Волхову и бросали в прорубь.

В «Синодике опальных» есть запись, страшная в своей лаконичности: *«По Малютиной скаске в ноугороцкой посылке отделал (убил.) тысящу четыреста девяносто человек ручным усечением, и с пищали отделано пятнадцать человек, им же имена сам Ты Господи веси».* Конечно, **Скуратов лютовал не за страх, а за совесть,** однако собственноручно уничтожить столько людей он физически не мог – это результат действий карательного отряда, которым он руководил. Из тех далеких лет сохранилось выражение: «Которыми улицами ехал Малюта Скурлатович, теми улицами кура не пила...»

Парадоксально, но Малюта, который в народной памяти является олицетворением опричнины, **сыграл главную роль в ее ликвидации.**

К 1570 году войско *«кромешников»,* насчитывавшее уже более 6000 человек, стало представлять **б*ольшую опасность для существования государства,*** чем любые боярские заговоры. Всевластие и безнаказанность привлекали в охранный корпус, как выражался Курбский, «похлебников и отовсюду злодеев». Карателя **практически единовластно вершили суд над Россией.** В своих «Записках» Генрих Штаден (немецкий наемник, попавший в ряды опричного двора) сообщал: *«Опричники обшарили всю страну... на что великий князь не давал им своего согласия. Они сами давали себе наказы, будто бы великий князь указал убить того или другого из знати или купца, если только они думали, что у того есть деньги... Многие рыскали шайками по стране и разъезжали якобы из опричнины, убивали по большим дорогам всякого, кто им попадался навстречу».* Штаден рассказывает, что население стало вооружаться для защиты жизни и имущества. **Правительство утратило контроль над ситуацией в стране. *Опричнина представляла собой сложившуюся, хорошо организованную и вооруженную структуру, которая в любой момент могла выйти из повиновения.*** Но ликвидировать кровавых палачей можно было только еще большей кровью. Малюта Скуратов выбрал для этого традиционное средство – заговор с последующим разоблачением.

Помогло «новгородское дело». Глава опричного правительства Алексей Басманов выступал против разгрома

Великого Новгорода, поскольку новгородский архиепископ Пимен был его верным сторонником (именно из-за этого Басманова отстранили от участия в карательной акции). На Афанасия Вяземского донес опричник Григорий Ловчиков, якобы тот предупредил заговорщиков – «выдавал вверенные ему тайны и открыл принятое решение о разрушении Новгорода». В следственном деле можно прочесть, что заговорщики «ссылалися к Москве з бояры с Олексеем Басмановым с сыном ево с Федором… да со князем Офонасьем Вяземским».

Признания, полученные под пыткой, **убедили Ивана IV** в том, что **измена свила гнездо среди ближайшего окружения.**

25 июня 1570 года на Красную площадь было выведено на казнь 300 человек. Для совершения акции все было заранее подготовлено: вбиты заостренные колья, пылали костры, над которыми висели чаны с кипящей водой. Прямо на эшафоте царь помиловал 184 человека, 116 велел замучить. Начал казнь Малюта Скуратов, собственноручно отрезавший ухо у одного из главных обвиняемых – «канцлера» Ивана Висковатого, руководителя Посольского приказа. Но среди казненных не было главных героев процесса: фаворит Грозного Федор Басманов зарезал своего отца Алексея Басманова, чтобы доказать верность царю, но был отправлен в ссылку на Белое озеро, и там его *«не стало в опале»*. Афанасия Вяземского били палками, затем сослали в Городец, где он умер «в железных оковах».

Почему расправу над своими недавними любимцами Грозный велел вершить тайно? По-видимому, он всерьез опасался бунта преторианцев.

Окончательно **доверие царя к опричникам было подорвано** после набега на Москву крымского хана Давлет-Гирея весной 1571 года. ***Профессиональные каратели во все времена не могли противостоять профессиональной армии.*** Москва была сожжена крымцами до основания, несколько сотен тысяч людей погибло или было угнано в рабство, сам Иван IV был вынужден бежать в Ростов.

После следствия о причинах катастрофы были казнены главнокомандующий князь Михаил Черкасский (глава опричной Думы) и трое опричных воевод. Стоит ли упоминать, что руководил расследованием Малюта Скуратов?

В 1572 году войско «кромешников» было распущено. Царским указом было запрещено употреблять само слово «опричнина» – провинившихся били кнутом.

Имя Малюты Скуратова до сих пор «на щите» у черносотенцев. Мало кто знает, что в России действуют «опричные братства», «новые опричники» совершают

паломничества в Александровскую слободу, где существует музей пыток, а одним из главных экспонатов является восковая персона Малюты.

Но попытки прославить имя кровавого палача возникали и раньше. **Сталин**, как известно, **считал**, что опричнина – это *«регулярная, прогрессивная армия»,* а Малюта Скуратов был *«крупным военачальником и героически погиб в войне с Ливонией». **В 1930-е годы вождь дал команду переписать историю.***

Все хорошо помнят фильм Сергея Эйзенштейна, где роль Малюты сыграл народный любимец Михаил Жаров. Правда, забывают другой шедевр – драму-дилогию Алексея Толстого «Иван Грозный». **Один из самых виртуозных сталинских писателей воспел и главного царского инквизитора.** Скуратов у Толстого – убежденный государственник, который считает себя свыше обязанным помочь Грозному: *"Единодержавие – тяжелая шапка... Ломать надо много, по живому резать...* **Сталинские историки подтасовывали факты,** делая из Малюты недюжинного государственного деятеля, сравнимого разве что с руководителем Избранной рады Алексеем Адашевым в первые годы правления Ивана IV. В действительности Григорий Бельский им не был.

В действительности о Григории Бельском мы **знаем только одно: он был крайне жесток.** Историк С.Б.Веселовский отмечал, что Скуратов забавлялся тем, что придумывал новые, ранее невиданные на Руси казни – например, перепиливание людей веревкой. Но трудно представить, чтобы он творил кровавые зверства помимо воли Грозного, садиста по натуре (известно, что царь нередко сам выполнял работу палача). Впрочем, в этом Малюта своего господина безусловно превосходил. А вот в остальном...

Хотя в начале 1570-х годов Скуратову и поручали вести важные переговоры с Крымом и Литвой, такой выбор царя можно объяснить только крайне бедственным положением с дипломатическими кадрами, уничтоженными Грозным. **В результате его «дипломатии» Россия чуть было не утратила Астрахань.**

Малю та допускал промахи и в карательных делах. Например, во время «новгородского похода» он распорядился казнить пленных татар, содержащихся в остроге в Торжке. Те оказали сопротивление, которого царский палач, привыкший расправляться с безоружными людьми, не ожидал. Татары исполосовали Малюте живот ножами так, что «из него выпали внутренности».

Когда же Григорий Лукьянович возглавил царскую армию во

время очередной войны с Ливонией, то… ***погиб в первом же сражении,*** что хорошо характеризует его полководческие способности.

Так что **умом и талантами Малюта определенно не блистал.** Но, возможно, ***именно в этом и кроется тайна его возвышения!*** Грозный не терпел рядом с собой сколько-нибудь выдающихся личностей. В свое время, когда царь посетил в Кирилло-Белозерском монастыре Вассиана Топоркова, советника его деда Ивана III, и спросил, как ему добиться повиновения от вельмож, то получил ответ: ***«Не держи при себе ни одного советника, который был бы умнее тебя!»***

Малюта брал другим – поистине собачьей преданностью. В России того времени эта характеристика не носила негативного смысла. Во всяком случае, сам Грозный высоко оценил беззаветное служение своему господину знаменитого Василия Шибанова, которого Курбский послал в Москву на верную смерть – чтобы тот передал царю свое послание. В ответном письме князю Иван IV писал: *«Как же ты не стыдишься раба твоего Васьки Шибанова? Он ведь сохранил благочестие свое и перед царем, и перед всем народом… стоя на пороге смерти, не отрекся от крестного целования тебе, прославляя тебя и вызываясь за тебя умереть…»* Скуратов был из этой категории «верных рабов». Он не искал высоких чинов (его **высшим карьерным достижением был скромный чин думного дворянина**) и поместий (подтверждением может служить тот факт, что после смерти Скуратова его вдова получила от Грозного пожизненную пенсию – случай уникальный по тем временам: можно предположить, что имение у Малюты было небольшое).

И все же Малюта Скуратов – до сих пор **не прочитанная глава в истории фаворитизма в России.** У Грозного, как известно, было немало любимцев. Сильвестр был духовным наставником молодого царя, Алексей Адашев – правителем государства, Федор Басманов – любовником, с Афанасием Вяземским Грозный любил долгими ночами вести разговоры о судьбах России… Кем был для Ивана IV Малюта? Сомнительно, чтобы Грозный, искренне веривший в то, что происходит от римского императора Августа, опустился бы до дружбы с «худородным» опричником. Многие историки считают, что в последние годы жизни Грозный *«стал игрушкой в руках авантюристов типа Малюты Скуратова».* Действительно, Иван IV легко поддавался внушению, но рано или поздно все его фавориты кончали жизнь на плахе – все, кроме Скуратова!

Свое расположение Бельскому царь в полной мере доказал в 1571 году, когда после смерти второй жены Марии Темрюковны

решил выбрать себе невесту. Ни татарское нашествие, ни сожжение Москвы не помешали матримониальным хлопотам. В ходе смотрин (в Александровскую слободу было свезено около 2000 кандидаток со всей страны) выбор Ивана IV пал на Марфу Собакину – дворянскую дочь из Коломны (триста лет спустя о ее горестной судьбе Н.А.Римский-Корсаков написал одну из лучших русских опер – «Царская невеста»).

Выбор царя казался необъяснимым. Но из чудом сохранившихся документов можно узнать, что свахами Марфы были жена Скуратова и его дочь Мария, а сам Малюта на свадебной церемонии исполнял роль «дружки». Ларчик просто открывался: **Марфа оказалась дальней родственницей руководителя сыскного ведомства!**

Родство с царем стало самым ценным «вознаграждением за службу». Однако всего через две недели после свадьбы избранница царя умерла, так и не став его женой. Грозный был уверен, что Марфу «извели ядом», а сделать это могли только «свои».

Когда весной 1572 года Грозный предпринял поход против шведов, Малюта занимал должность дворового воеводы, командуя гвардией – государевым полком. Восьмидесятитысячная русская армия осадила замок Вейсенштейн в Ливонии, который обороняли, по некоторым данным, всего… 50 человек. Скуратов лично повел стрельцов на штурм и погиб на крепостной стене. Согласно летописям, Иван IV в отместку приказал сжечь живьем всех пленных. Как писал Карамзин, *«жертвоприношение, достойное мертвеца, который жил душегубством!».*

Возникает сомнение в том, что смерть Малюты была случайной. Ненависть к нему была велика, интриги при дворе с ликвидацией опричнины только усилились. Не стал ли Скуратов жертвой заговора (единственного успешного за все время правления Ивана IV)? Можно предположить и другое: **сам Грозный распорядился устроить «несчастный случай».** Но похоронили Малюту с почестями в «цитадели православия» – Иосифо-Волоколамском монастыре. Царь «дал по холопе своем по Григорье по Малюте Лукьяновиче Скуратове» вклад в 150 рублей – больше, чем по своему брату Юрию или жене Марфе. В 1577 году Штаден записал: «По указу великого князя его поминают в церквях и по сей день…»

А история продолжает подкидывать загадки: в 1932 году газета «Вечерняя Москва» сообщила читателям, что при рытье котлована для фундамента Дворца Советов был обнаружен… склеп Скуратова! Его нашли под зданием церкви, стоявшей на берегу Москвы-реки. Строители якобы откопали плиту с надписью

«Здесь погребен Малюта Скуратов». **Кому понадобилось мистифицировать москвичей, так и осталось неясно…**

У Скуратова не было прямых наследников по мужской линии. Однако трех своих дочерей шеф «тайной полиции» пристроил весьма удачно. На старшей женился князь Иван Глинский, двоюродный брат царя. Средняя дочь Мария вышла замуж за боярина Бориса Годунова и стала впоследствии царицей. Младшая, Екатерина, была выдана за князя Дмитрия Шуйского, брата Василия Шуйского, избранного во времена Смуты царем. (Интересно, что князь Дмитрий считался наследником престола, поэтому теоретически Екатерина тоже могла стать царицей!).

Существует легенда, что, когда смертельно раненного Скуратова привезли умирать в монастырь, он плакал, каялся и просил похоронить его у ограды обители, на «попираемом месте» – чтобы люди, которые шли к храму, проходили по его могиле. Но в это предание не очень верится. Не такой человек был Григорий Лукьянович, чтобы каяться даже перед смертью…

В русский фольклор Малюта вошел как безжалостный палач и садист. В известной «Песне о гневе Грозного на сына» именно «Малюта злодей Скурлатович» доносит на царевича, будто тот проявляет милосердие к изменникам, а затем с радостью берется выполнить вынесенный царем смертный приговор. Здесь стоит сделать отступление.

Создатели былин порой проявляли такую удивительную осведомленность о деталях реальных событий, что невольно возникает предположение: не сочинялись ли они в дворцовых покоях? Приближенные царевича Ивана на самом деле вынашивали планы свержения Грозного – и Малюта им сильно мешал… «Песня о гневе Грозного» появилась в XVII веке, при первых Романовых, которые и составляли окружение наследника. **В народном предании именно Скуратов стал ответственным за «перегибы» правления Грозного.** Укоренение этого мифа опять-таки было на руку Романовым, права которых на престол основывались только на том, что их родственница Анастасия Романовна была первой женой Ивана IV.

Когда началось развенчание Малюты? Видимо, не сразу после смерти его венценосного покровителя: во всяком случае, родство Скуратова с Борисом Годуновым не помешало последнему выиграть в 1598 году избирательную кампанию и взойти на престол (пушкинское определение Годунова: «зять палача и сам в душе палач» – это взгляд из XIX века, из «Истории» Карамзина). Отличавшийся крутым нравом царь Борис рассматривал любые нелицеприятные суждения о своем тесте как покушение на его монаршую особу.

Видимо, все началось с появлением первых «житийных» текстов о святом Филиппе...

Главным преступлением Малюты Скуратова считается убийство им митрополита Филиппа Колычева, непримиримого борца с тиранией Грозного, публично осудившего злодеяния опричнины. Это произошло во время «новгородского похода» – 23 декабря 1569 года в тверском Отрочь-монастыре.

...В октябре 2004 года в Русском музее в Петербурге прошла выставка «Большая картина». Среди прочих на ней было представлено полотно «Последние минуты жизни митрополита Филиппа», написанное в 1880-х годах академиком живописи А.И.Новоскольцевым, – мрачная фигура Малюты в проеме двери кельи опального митрополита и изможденная фигура Филиппа, который молится перед иконой, понимая, что приходит последняя минута его жизни. Это живописная реконструкция события существует и литературная. В очерке «Святой Филипп митрополит Московский» выдающийся русский философ Георгий Федотов писал: *«...царь вспомнил о тверском узнике и послал к нему в келью Малюту Скуратова: опричник должен был просить у святого благословения на новгородский поход!».* Естественно предположить, что Малюта имел другой тайный приказ или хорошо угадал царскую мысль. Иначе он, вероятно, не осмелился бы совершить того, что совершил, или не мог остаться безнаказанным. Рассказывают, что мученик уже три дня предчувствовал свою кончину и предсказал о ней окружающим: «Приблизилось время моего подвига». В самый день смерти он причастился... 23 декабря в его келью вошел царский посланец. Никто не был свидетелем того, что произошло между ними".

«Житие святителя Филиппа» так описывает его кончину: «Малюта вошел в келью и, смиренно кланяясь, сказал святому: „Владыка, подай благословение царю идти в Великий Новгород“. Зная, зачем пришел царский посланец, Филипп ответил: „Делай то, за чем ты пришел ко мне, и не искушай меня, лестью испрашивая дар Божий“. Малюта взял подушку („подглавие“) и задушил ею святого. Потом поспешно вышел из кельи и, сообщив о смерти его настоятелю и братии, стал укорять их в небрежении к узнику, который будто бы умер от чрезмерного угара („неуставного зною келейного“). Не давая им опомниться, Малюта приказал вырыть глубокую яму за алтарем соборной церкви и при себе погрести тело. Не было при этом ни звона колоколов, ни благоухания фимиама, ни, быть может, самого пения церковного, ибо злой опричник спешил скрыть следы своего преступления. И как только могила была сравнена с землей, он немедленно уехал из обители».

«Житие» появилось спустя много лет после описанных событий. Как заметил еще Карамзин, оно вызывает большие сомнения – хотя бы тем, что подробно передает разговор Малюты и Филиппа. Есть ли очевидцы преступления в Отрочь-монастыре?

Таубе и Крузе рассказывают историю по-другому: «В Твери в монастыре находился опальный митрополит Филипп. Иван приказал своему высшему боярину или палачу Малюте Скуратову задушить его веревкой и бросить в воду, в Волгу».

Но в этом деле участвовала и «третья сторона».

Филиппа предали «его домашние» – высшие иерархи церкви, сблизившиеся с опричниками. Новгородский архиепископ Пимен (историк Р.Г.Скрынников пишет, что тот «оказал много важных услуг царю и его приспешникам»), епископы Пафнутий Суздальский и Филофей Рязанский, благовещенский протопоп Евстафий составили настоящий заговор против Филиппа, «мечтая восхитить его престол». Для «сбора компромата» они направили на Соловки следственную комиссию, где угрозами получили от монахов нужные свидетельства. Среди лжесвидетелей оказался даже соловецкий игумен Паисий, любимый ученик митрополита, – ему пообещали епископскую митру. В 1568 году Священный собор, проходивший под председательством Пимена, осудил Филиппа и приговорил его к смертной казни (историк Русской православной церкви А.В.Карташев назвал этот собор *«наиболее позорным из всех во всей церковной истории России»)*.

Иван IV заменил казнь заточением в монастыре. Какой резон было царю убивать опального иерарха спустя несколько лет? Конечно, **в действиях Грозного логика часто отсутствует.** Но здесь как раз все логично: поскольку архиепископ Пимен был инициатором свержения Филиппа, царь мог надеяться, что и Колычев в свою очередь не преминет «донести» на своего врага. Курбский даже считал, что Грозный сделал попытку помириться с митрополитом – в своей «Повести о Великом князе Московском» он писал: "Царь послал к нему (Филиппу. – И.К.) с просьбой простить его и благословить, а также вернуться на свой престол (!), но тот, как известно, отвечал ему: «Если обещаешь покаяться в своих грехах и прогнать от себя тех, кого называют кромешниками или опричниками, я благословлю тебя и на престол мой, послушав тебя, возвращусь...»

Известно, что все недоброжелатели Филиппа подверглись репрессиям. В «Четьях-Минеях» можно прочесть: «Царь... положил свою грозную опалу на всех виновников и пособников его казни». Пимен был отправлен в заключение в Веневский Никольский монастырь и жил там под постоянным страхом смерти, Филофей был лишен архиерейства, честолюбивый игумен Паисий был

сослан на Валаам, монах Зосима и еще девять иноков, оклеветавших митрополита, были также разосланы по разным монастырям, и «многие из них на пути к местам ссылки умерли». Суровому наказанию подвергся и пристав Стефан Кобылин, тюремщик Филиппа: его заключили в Спасо-Каменный монастырь (интересно, что именно со слов Кобылина, принявшего монашество, и было написано первое «Житие» святого Филиппа).

…Убил ли Скуратов Филиппа или его смерть – дело рук кого-то другого, остается неразгаданным до сих пор. Опальный митрополит погиб после того, как место его заключения посетил главный царский инквизитор. **«После того» не всегда означает «вследствие того».** Но против Скуратова уже работала его репутация – самого кровожадного палача Ивана Грозного.

В эпоху, когда палачи востребованы, они возникают как по заказу. Малюта Скуратов был лишь одним из первых.

Биография

Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович (Малюта) (г. рождения неизвестен – умер 1.1.1573, близ замка Вейсенштейн, ныне Пайде Эстонской ССР), один из руководителей опричнины Ивана IV Васильевича Грозного, активный организатор опричного террора. Происходил из высших слоев провинциального дворянства. Выдвинулся в 1569, участвуя в следствии и казни двоюродного брата Ивана IV – В. А. Старицкого. В декабре 1569 задушил бывшего митрополита Филиппа Колычева, в январе 1570 в связи с подозрением Новгорода в измене руководил его разгромом, убив тысячи жителей. В 1571 вел следствие о причинах поражения русских войск в бою с ордой крымского хана Девлет-Гирея. Убит в бою. С именем Малюты Скуратова связаны жестокости и казни времени Ивана IV.